

И.В. Логвинова,
Московский государственный
институт музыки им. А.Г. Шнитке

Вспоминая А.Н. Николюкина

Я познакомилась с ним году в 2009–2010-м. Работала тогда в Институте художественного образования (ИХО) РАО, а потом в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Писала кандидатскую диссертацию. Нас познакомила Валерия Борисовна Трофимова, моя коллега в ИХО РАО. С тех пор мы с Александром Николаевичем дружили. В то время он по гранту РГНФ работал над вторым томом семитомного Полного собрания сочинений В.В. Розанова, ему нужны были помощники, и он включил меня в грант. Мне было интересно разбирать почерк Розанова, сверять тексты, работать в архивах, а еще интереснее – узнавать что-то новое, писать об этом статьи.

Александр Николаевич был очень требовательным человеком. Все время теребил, подгонял, так как у него была привычка все делать заранее. А еще у него была привычка ничего не выбрасывать.

С ним интересно было поговорить на абсолютно любую тему. Не было никаких границ, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Совершенно по-розановски. Он умел давать нетривиальные советы. Любил размышлять на философские темы: какова природа огня, есть ли у души память, встретятся ли родственники и узнают ли друг друга в загробной жизни... Часто рассказывал о родных, о войне, о том, что перед сном разговаривает со своей душой. Однажды мы ездили в Курск смотреть, как цветет в степи

ковьяль, хотя Александр Николаевич видел только одним глазом и то не очень хорошо.

А еще он был Котом Ученым. Придумал и вел такую рубрику в «Литературоведческом журнале», часто показывал мне заметки из этой рубрики перед тем, как отдать в печать, обсуждал их со мной.

Характер у него был очень непростой, упрямый, но у меня он еще хуже, и потому мы отлично понимали друг друга. Он часто звонил мне прямо во время учебных занятий, настойчиво, по нескольку раз, когда нужно было решить какой-либо вопрос, и не принимал возражений, что этот вопрос может немного подождать. Пожалуй, эта черта позволяла ему успешно преодолевать любые затруднения, как бытовые, так и научные. Его упертость и привычка достигать поставленных целей проявилась и в том, что в 94 года он решился на операцию по замене хрусталика в единственном видящем глазу, хотя это было очень рискованно. В результате читать книги он все-таки не мог, но мог читать с экрана ноутбука почту и даже немного искать информацию в интернете, немного писать статьи, а я ему потом правила опечатки и впечатывала цитаты из книг. Идя в архив или библиотеку, я всегда знала, что если я скажу, что та или иная книга нужна для Александра Николаевича, мне ее тут же выдадут, невзирая на ее ветхость и наличие электронной копии. Ведь речь шла о научной сверке текста, где важен оригинал, а не сканированная копия, в которой искомое место может отображаться нечетко.

Самое главное, чему меня научил Александр Николаевич, — никогда и ни о чем не переживать, не «париться», все принимать со спокойствием. Его любимой молитвой была Молитва Оптинских старцев:

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день.

Дай мне всецело предаться воле Твоей Святой.

На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня.

Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все Святая воля Твоя.

Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами.

Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня.

Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить.

Аминь.

У него была потрясающая память на главы и строки из Священного Писания. И так как у Розанова много цитат из Библии, то мы с Александром Николаевичем часто обращались то к тексту Евангелия или Ветхого Завета, то к Симфонии. А еще у него было много справочников, и он говорил, что самое главное в справочнике или иной научной книге – указатель авторов. Считал, что книга без авторского указателя – не книга, потому что ею неудобно пользоваться. Это как кроту-слепышу искать червяков в крошечной темноте.

Помню, первой книгой, которую он мне подарил, был справочник по литературе русского зарубежья. Бесценная книга, поскольку я преподаю литературу и мне нужны биографические сведения о писателях и поэтах первой и второй волн эмиграции.

Когда я отправлялась в поездки по другим городам, он всегда делился своими воспоминаниями об этих городах и советовал, куда там можно пойти и что ему хотелось бы, чтобы я там посетила, какие места ему дороги.

Он ревниво относился к тому, что я знакомлюсь с его друзьями и коллегами. Предпочитал со мной работать отдельно. Единственная конференция, в которой мы вместе принимали участие, – Катковские чтения, которые проводил протоиерей Артемий Владимиров в Алексеевском монастыре в Красном Селе. На этих Чтениях я познакомилась с замечательным Батюшкой, с отцом Артемием, который впоследствии стал моим духовным отцом. За это я очень благодарна А. Н.

В последние несколько месяцев жизни А. Н. говорил, что живет от моего прихода до моего прихода. Из-за большой занятости я могла посещать его раз в неделю, обычно по воскресеньям, и мы всегда намечали следующую дату, когда я приеду. Так, расставшись, кажется, в середине июля перед моей поездкой в Тарусу на три дня, мы собирались встретиться 30-го, уже точно не вспомню, поскольку работала на экзаменах в приемной комиссии, а 30-го должна была ехать в Псков (после приемной кампании начинался, наконец, мой отпуск), и он хотел поговорить со мной о Пскове, о Псково-Печерском монастыре. У него был замысел статьи о Шевырёве, которую он переделывал из уже опубликованной ранее, поскольку ему нужна была статья для отчета по работе. И то, что он так внезапно попал в больницу и не мог позвонить, чтобы сказать, что он в больнице, как он всегда делал (звонил мне и сообщал, что его увезла скорая и дома он будет тогда-то и ждет меня, так как у нас много работы по гранту), оставило какую-то пустоту, которая постепенно заполняется стихами и воспоминаниями. Никто теперь не позвонит не вовремя и не скажет, что ему срочно нужна моя помощь, поскольку текст в файле сбился или не уходят гиперссылки, или текст окрасился в другой цвет и не хочет быть черным. Но А. Н. будет жить в изданных им книгах Фолкнера и Э. По, энциклопедиях русского зарубежья, розановской, литературоведческих понятий, в собранных и изданных под его редакцией трудах В.В. Розанова, М.Н. Каткова, Ю.Ф. Самарина, И.В. Киреевского, С.П. Шевырёва, в книгах «Наедине с русской классикой» и «Гений места», в собрании его собственных сочинений в четырех томах, два первых тома которого вышли еще при его жизни. И в фонде в РГАЛИ, который тоже был сформирован по его желанию, при его жизни. При жизни в этот фонд попали его дневники, переписка с зарубежными и отечественными литературоведами, редкая карта Воронежа военных лет, на которой он отмечал, куда дошли немцы.

А.Н. Николюкину

Ушел ты в день Крещения Руси.
В Тарусе дождь, и молнии, и гром.
Как будто Малер или Дебюсси.
И солнце тут же в небе голубом.

И ангелы поют Сорокоуст.
И мы хотели встретиться 30-го...
Но я с тобой навеки не прощусь,
Там для тебя теперь все только начинается.
И вечный день, и райский Божий сад,
Покой и лад, и множество наград.
28 июля 2023. Таруса

А. Н.

Под еловыми лапами тихо,
Не доходит ни звука мирского.
Холм земли над твоею могилой
Скоро скроют под черной плитой.
Говорят, будет надпись-блаженство,
Что все чистые сердцем, как дети,
Бога узрят, а ты с детским сердцем
Шел по жизни младенцем большим.
7 сентября 2023. Манихино – Москва